
18+
ТЕРРИТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА
ТАКАЯ РАБОТА
ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Территория Творчества

Такая работа. Девять Жизней

«Издательские решения»

Творчества Т.

Такая работа. Девять Жизней / Т. Творчества — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968434-9

«Все работы хороши — выбирай на вкус!» — так писал В. Маяковский. «Такая работа» — говорим мы, когда кто-то удивляется нашим профессиональным действиям. «Такая работа» — новый сборник от группы «Территория Творчества», который создан из произведений одноимённого конкурса. Профессии на любой вкус: от дворника до дальнобойщика; сказочные и реальные. Здесь есть всё — юмор, смех, грусть, трагедия, серьезно о не серьезном и наоборот. Лучшие произведения ведущих авторов группы.

ISBN 978-5-44-968434-9

© Творчества Т.
© Издательские решения

Содержание

Территория Творчества 6
Марат Валеев 7
Светлана Сапронова 10
Анастасия Солдаткина 11
Марат Валеев 12
Маргарита Смородинская 15
Наталья Колмогорова 17
Марат Валеев 19
Наталья Колмогорова 21
Ольга Данилова 22
Марат Валеев 23
Наталия Сычкова 25
Алёна Грибалёва 26
Марат Валеев 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Такая работа
Девять Жизней
Территория Творчества

Валентина Спирина *Редактор*
Валентина Спирина *Дизайнер обложки*
© Территория Творчества, 2019
© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019
ISBN 978-5-4496-8434-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Территория Творчества

Все произведения в сборнике публикуются с согласия авторов.
Произведения не рецензируются и не редактируются.
Материал для обложки взят с сайта pixabay.com

Марат Валеев
Перекус для бетонщика

Погода в нашу вторую смену сегодня выдалась морозной, на 1-ом полигоне завода ЖБИ все густо парило: и самосвалы, подвозящие бетон, и сам бетон, не успевший остыть после подвоза его с бетонного узла. А запарочные камеры, куда устанавливались заливаемые бетоном марки 100 формы под фундаментные блоки СП, так те вообще были покрыты густо клубящимся белым паром, поэтому приходилось даже включать дополнительные прожектора, чтобы крановщица, белокурая Люся, которую сегодня вообще было не разглядеть на ее верхотуре, без промашки подавала «туфлю» с бетоном прямо к рукам бетонщика пятого разряда дяди Вани Тучкова.

Он хватал этими руками в верхонках поверх теплых рукавиц за отполированную до блеска рукоятку замка «туфли», сипло кричал Люсе наверх: «Еще чуток на меня!» и, широко расставив ноги в серых валенках по краям маслянисто поблескивающих ячеек стальной формы, с коротким хеканьем дергал рукоятку замка на себя и вниз.

Жидкий бетон серой лентой с шумом устремлялся в форму, дробно стучал по ее стенкам мелкой щебенкой.

Дядя Ваня затем на несколько секунд включал прикрепленный к туфле вибратор, и тот начинал с сердитым гулом мелко-мелко трясти туфлю, вытряхивая из нее остатки бетона.

Тут за дело брался я, семнадцатилетний бетонщик пока третьего разряда: с чмоканьем погружал в серую массу ручной вибратор весом с полпуда, включал его и, держась за рукоятку, уплотнял этим зудящим, старающимся вырваться из моих рук механизмом расползающийся по ячейкам формы бетон.

Наш бугор, по совместительству мой дядя Равиль (его называли на русский манер почему-то Саша) в это время армировал деревянные формы для колонн, периодически сверкая голубым огоньком электросварки. Это была сложная работа, и занимался ею только он сам.

Но вот все три тонны бетона разлиты по формам, утрамбованы и разглажены сверху до блеска, из них торчат свежеустановленные петли из толстой проволоки для выемки краном после того, как блоки будут сутки пропарены и готовы к отправке на стройки краснотурьинских объектов.

На полигоне стало тихо и можно перекурить в просторной столярке, где готовятся деревянные детали для опалубки форм. Здесь можно погреться – пощелкивающие трубы парового отопления всегда держат в столярке высокую температуру, – перекусить, у кого что есть с собой, поиграть в теннис.

Сухо стучащим пластмассовым белым шариком сразу же стали перекидываться через сетку стропальщик Коля Овсянников и электрик Юрий Шервуд. А мы с дядей сидели – он на лавке, я на широком подоконнике, – и с наслаждением курили и отогревались. И тут даже через табачный дым мои ноздри защекотал знакомый дразнящий аромат – чеснока, укропа и еще чего-то невероятно вкусного и сытного.

Сало! Это было сало домашнего посола. Его, небольшой такой, но толстенький брусок, пошуршав газетой, разложил у себя на верстаке столяр Михаил Колодный и стал нарезать большим складным ножом на аккуратные белые, чуть-чуть розоватые пластинки.

Мне до конца вечерней смены оставалось часа полтора – несовершеннолетнему, по КЗоТу разрешалось работать только до десяти вечера, смена при этом у меня начиналась в три часа дня, в то время как вся «взрослая бригада» подтягивалась к пяти. И вроде бы перед выездом на завод я неплохо пообедал в столовой рядом с нашей общагой, но довольно тяжела работа на морозе быстро сжигала все калории и потому я был уже зверски голоден.

Дома, в общежитской комнате, меня, в лучшем случае, ждала припасенная на ужин банка кильки с полбулкой хлеба. А в худшем, если жившие со мной еще двое парней затеяли выпивку без меня, то нашли эту несчастную кильку в моей тумбочке и уже сожрали ее.

А тут этот невозможно аппетитный, прямо с ума сводящий запах. И без того тогда плоский мой живот тут же свело от голодных спазмов, он самым бессовестным образом громко заурчал и прилип к позвоночнику, показывая хозяину что пора бы и того… что-нибудь кинуть в него существенного.

Я поспешно затянулся «примой» и с деланным равнодушием отвернулся к промерзшему окну, за которым стояла трескучая морозная уральская ночь, и туманную темень её с трудом рассеивали мощные светильники и прожектора, которыми был утыкан наш первый полигон со всех углов и с крыши столярки.

Мне вдруг, ну совсем некстати, вспомнились мамины горячие и румяные пирожки с картошкой и жареным луком, которые я так любил запивать холодным вкусным молоком. Желудок мой вовсе взбесился, застонал и стал вгрызаться в позвоночник.

– На, перекуси, – услышал я вдруг участливый голос столяра дяди Миши и живо обернулся. Столяр принес мне ломоть хлеба с выложенным поверху солидным пластом сала, дразнящий аромат которого поблизости и вовсе оказался сумасшедшим!

– Теща из деревни гостинец прислала, – пояснил Михаил Колодный, обращаясь не столько ко мне, сколько ко всем отогревающимся в столярке членам бригады. – Кабаняку они закололи, аж на полтора центнера весом. Сала на нем, слышь – с ладонь толщиной! Вот и передали нам килограмма три. Никто так не умеет солить сало, как мои тесть с тещей. Давай ешь, набирайся сил.

Я, для солидности выдержав секундную паузу, положил на подоконник недокуренную сигарету и, вытерев правую ладонь о ватные штаны, бережно принял этот сельский бутерброд, поднес ко рту. Сало не стало сопротивляться натиску моих молодых нетерпеливых зубов и легко откусилось вместе с хлебом.

Мой язык, мое небо тут же ощутили божественный вкус этой жирной, в меру просоленной и начесноченной массы, пропитанной ароматом лаврушки, сохранившего летний запах укропа, перца и еще какой-то специи – сейчас я понимаю, что это был тмин. Все это создавало непередаваемый вкусовой букет, вызывающий мощную реакцию слюнных желез.

Прижмурив глаза от удовольствия, я проглотил первую порцию этого деликатеса и только тут обратил внимание, что в столярке стояла тишина, нарушаемая лишь пощелкиванием пара в трубах парового отопления: оказывается, дядя Миша уже успел раздать бутерброды с салом всем, кто был в столярке (с ним – человек пять-шесть), и все дружно уплетали их, в том числе и наш бригадир, мой дядя Равиль-абый…

Все, все, на этом прекращаю дразнить тех, кто на диете и тех, кто вообще не ест сала. К последним вроде бы должен относиться и сам автор текста.

Но я, татарин, выросший среди русских, можно сказать, с детских лет познал вкус свинины.

В прииртышском селе Пятерыжск, где мы поселились после переезда из Татарстана, практически не было такой семьи, в которой бы не содержали свиней.

Всеядность этих животных, облегчающих проблему кормления, быстрый рост (начав откорм поросят с ранней весны, к началу зимы уже получаешь взрослых, весом нередко за сто кило, свиней), хорошие гастрономические свойства мяса и сала – это те плюсы, которые издавна подвигают сельчан на занятие домашним свиноводством.

Глядя на русских (украинцев, немцев, белорусов и т. д.) и оценив выгоды разведения свиней, с годами это дело стали с охотой осваивать и «басурманы», живущие среди славян. У нас в подворье была полная толерантность в отношении ассортимента домашних животных:

в закутках блеяли овцы и мемекали козы, мычали коровы и телята, мирно похрюкивали в своем свинарнике пухнущие, как на дрожжах, поросята, я уж не говорю о курах и утках.

Летом мясо нам на стол «поставляли» куры и изредка – овцы, телят обычно выращивали на сдачу в заготскот и это приносило ощутимую прибавку в семейный бюджет. Ну, а запасы мяса на зиму давали именно свиньи. В 50-60-е холодильников у сельчан не было, поэтому свинина замораживалась в холодном чулане, сало засаливалось впрок в деревянных ящиках и, отправленное с приходом теплых дней в подпол, могло держаться там хоть все лето, до очередного забоя очередной бедной хрюшки (ну что поделать, такова уж их судьба) на следующую зиму.

Единственный, кто не употреблял свинину в нашей семье, была мама.

Но она понимала, что трех пацанов, дочь и нашего отца, всегда занятого тяжелой физической работой в совхозе, надо было чем-то кормить

.И хоть сама не ела свинину, но для нас готовила. Суп или борщ на свином мясе, правда, могла похлебать, но наливала его себе без мяса. Когда дома появлялась колбаса – а это случалось довольно редко, – мама не могла себе отказать в удовольствии полакомиться ей. Но всегда выковыривала из своих колбасных кружочков кусочки сала, во избежание, как она полагала, греха.

И это нас забавляло: колбасная масса в любом случае содержала в себе какую-то долю свинины.

Став взрослым и самостоятельным и, следовательно, получив возможность общаться с людьми не только из своей деревни, я видел, что свинину и сало с удовольствием едят и многие молодые казахи, хотя свиней при этом могли и не держать. А русские, в свою очередь, если попадали в гости к казахам, не чурались бесбармака из конины, вкуснейшей конской колбасы казы.

И это правильно, это и есть взаимопроникновение национальных культур на основе обмена кухнями, это позволяет людям лучше узнавать и понимать друг друга.

Я с уважением отношусь к людям, придерживающихся религиозных норм и правил и потому отказывающихся от не халяльной, не кошерной пищи – это их выбор, их образ жизни. Но и не осуждаю тех, кто, вопреки убеждениям далеких предков, стал употреблять в пищу то, что когда-то считалось запретным – времена-то меняются, условия жизни тоже, и то, что считалось когда-то догмой, становится простым пережитком, предубеждением.

Как на мой взгляд, так есть можно все, что нравится, что хочется попробовать (я вон уже лягушек отведал, и крокодилятину, страусятину, и даже акулу жареную ел!).

Главное, друзья мои – не «ешьте» себе подобных! Вот это грех из грехов, ничем не оправдываемый…

Эк, куда меня занесло, однако! На чем же это я споткнулся и пустился затем в невнятные рассуждения?

Ах, да! Перекусив бутербродами с салом, наша бригада затем с новыми силами вышла на тридцатиградусный мороз – встречать очередную порцию бетона и задорно, с шутками и прибаутками залила его в формы, накрыла крышкой запарочную камеру и успешно завершила свою смену. Хороший перекус – он любому делу великое подспорье!

Светлана Сапронова
Звукорежиссер театра

Не смущай меня, Васька, вином,
Я в театре сейчас нарасхват!
Весь апрель тут со звуком облом,
А на днях прилетит Монсерат.

Я же, знаешь, в акустике бог,
Им другого уже не найти.
Ты бы мне со стаканом помог,
Но с бутылкой в театр не пройти.

Так что, Вась, без меня наливай,
Мне сейчас к Монсерат Кабалье.
Но когда будет солнечный май,
Я станцую «кан-кан» на столе.

Обещаю, Васек, я напьюсь
И тебе непременно налью,
Прогуляем всю премию, плюс
Заценю Монтсеррат Кабалью!

Анастасия Солдаткина
Преподавательнице сольфеджио.

Хранитель знаний в музыкальном Королевстве,
Сюда пришедшим отворите дверцу.
Над новичками Вы берете шефство,
Вы человек с большим открытым сердцем.

Вы – проводник в мир звуков, их оттенков,
Без них мелодия, что кушанье без специй.
Тот, кто шагает с Вами, постепенно
Узнает тайну гамм, аккордов, терций,

Изучит стиль и штрих, и, несомненно,
Поймет, где форте, где пиано, а где меццо.
Наполнитель Вы душу вдохновеньем,
Поможете запеть ей и согреться.

Вы – свет, огонь, исток, пути начало,
Спасибо Вам за труд и за терпенье!
И пусть минуют Вас невзгоды и печали,
Вы нам нужны, наш добрый чистый Гений!

Марат Валеев
Народный писатель

Много ли вы знаете писателей, на издание книг которых сбрасываются сами читатели? А я знаю такого. Это красноярский прозаик и публицист, ветеран Великой Отечественной войны Анатолий Ефимович Зябрев.

– И чем же он дослужился до такой почести, что книги его выходят на народные деньги? – спросите вы. Сейчас попробую рассказать.

Родился Анатолий Зябрев 26 октября 1926 года в посёлке Никольск, Новосибирской области. Когда его отца, председателя колхоза, в 1937 году посадили по печально знаменитой 58-й статье, Анатолий, совсем еще пацан, вынужден был начать зарабатывать на пропитание семьи, так как у матери на попечении, вместе с ним, оставались пятеро детей. Но на одном месте парнишка долго не задерживался – как только узнавали, что он сын репрессированного, его тут же увольняли, и так неоднократно.

Когда началась война и на фронт ушел старший из братьев, Анатолий припрятал его продуктовую карточку и обменял на хлеб, за что потом жестоко поплатился. Вот как он сам рассказывает об этом в одном из интервью: «На фронт в начале 1942-го, под Сталинград, ушёл брат Вася, у него ещё не росла борода. Оттуда он не вернулся. А я в то же время по недоумию, по слабости характера и воли совершил тяжкое преступление – не сдал Васину хлебную карточку в отдел кадров, а выкупил на неё пайку хлеба и съел. Месяцы в тюремной камере, а потом – лагерь под городком Бердском (Новосибирская область) и… знаменитая Томская колония для малолетних преступников».

И далее: «В 17 лет я из колонии был взят в действующую армию. Это было в 1944-м. После соответствующей подготовки на учебном полигоне под Омском в товарных вагонах направился наш батальон на передовую линию фронта, в окопы. По дороге поезд подвергался бомбёжке, долго стоял на разбитых полустанках. Удивляюсь, как вчерашние колонисты, ходившие на рабочий объект, на кожевенную фабрику, под строжайшим конвоем с овчарками, теперь не разбегались. Кто-то отставал, но потом догонял. Бегали на привокзальный рынок, успевали что-то стащить у нерасторопных старух. Было сознание, что скоро жизнь может закончиться. Доходили сводки, что потери на фронте огромные: наступать-то сложнее, чем обороняться. Красная армия в те месяцы наступала. Пока нас везли, командование где-то в высоких штабах передумало: не на передовую линию колонистский батальон, не в окопы, а… срочно переодеть в красные погоны и в фуражки синие с красным верхом, что значило… мы попали в самые презираемые войска – НКВД».

Оказывается, еще в апреле 1942 года ГКО учредил специальное управление, отвечающее за операции по обеспечению безопасности в тылу действующих фронтов Красной Армии. Оно было названо Управлением войск НКВД по обеспечению безопасности действующей армии и в мае 1943 года повышено в статусе, получив независимость от Главного управления. В то же самое время ГКО поручил этому новому управлению новую и расширенную задачу:

«В тесном сотрудничестве с войсками полевых армий войска НКВД должны поддерживать порядок в прифронтовой полосе, бороться с неприятельскими разведывательными и диверсионными группами, участвовать в строительстве оборонительных рубежей, эвакуировать промышленные предприятия, охранять и защищать важные коммуникации и объекты, конвоировать и охранять военнопленных, а также лиц, осужденных военными судами за тяжкие преступления».

Так или иначе, Анатолий Зябрев честно отслужил положенные годы в этих «самых презираемых» войсках, прошел в составе патрульно-постовой службы войск НКВД через Укра-

ину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию., Германию. Не раз, кстати, мог быть убит (много было желающих на только что освобожденных вассальных, по отношению к гитлеровскому режиму, территориях пострелять исподтишка в поддерживающих законный порядок «краснопогонников») или просто загнуться от какой-либо хвори – слабые были солдатики, очень плохо кормили их, – и демобилизовался только в 1949 году.

«Я был списан по болезни – рассказывал Анатолий Ефремович. – С массой ущербностей, но бодрый и воодушевлённый. С ощущением беспредельной свободы. Голова кружилась от счастья. Теперь мне было куда вернуться: у мамы была своя комната на улице Кропоткина, которую ей дал завод за погибшего под Сталинградом Васю. Не съёмный угол у чужих людей, а своя собственная комната в бараке, целых почти 9 квадратных метров! Верно, почти половину комнаты занимала кирпичная печь, отапливаемая дровами и углём, но всё равно – здорово. Никогда я ещё не живал в таком просторе. В армии – койки впритык одна к другой. В колонии – двухъярусные нары. В тюремной камере – на полу, спина к спине, ноги к ногам».

Отдохнув всего ничего, бывший солдат отправился на заработки в Иркутскую область – нашел хорошее объявление, сулившее высокие заработки. И на станции Тайшет, ну прямо как в кино, нашел своего отца, обитавшего здесь после отбытия срока – в другие места дорога ему как бывшему политзаключенному была заказана. Анатолий устроился здесь на строительство железной дороги. Но в неприкаянной его жизни уже отчетливо наметились кардинальные перемены.

«Пробовать» свое перо Анатолий начал еще в армии – пытался сочинять романы. А после демобилизации он написал очерк про знакомого рабочего, который был не только напечатан, но и замечен, и Зябреву предложили работать в многотиражке, а затем он приглашался в штат городских газетах Новосибирска. Так началась его журналистская и писательская карьера. Первый рассказ, напечатанный в журнале «Сибирские огни» назывался «Когда бабушка спит», после было написано ещё более десятка рассказов, из которых получилась первая книга писателя – сборник рассказов для детей «Толька-охотник» (1957).

Тогда же Анатолий Зябрев обзавелся очень полезной для писателя манерой вести что-то вроде дневников – он исписывал тетрадки своими наблюдениями, наметками будущих очерков, рассказов.

Поворотный момент, как принято говорить, в его творчестве и биографии наступил, когда Зябрев в 1960 году был откомандирован по рекомендации журнала «Сибирские огни» в Дивногорск, на строительство грандиозной Красноярской ГЭС. И Анатолий на этом объекте был не сторонним наблюдателем, а полноправным гидростроителем, освоившим несколько профессий.

Наблюдения стройки изнутри, полученные впечатления тут же трансформировались в очерки, которые Зябрев писал, что называется, на коленке, в свободное от работы время. Они публиковались тогда во многих толстых журналах, сибирских и московских, и принесли Зябреву популярность публициста, а в 1972 году вышли в Красноярском книжном издательстве отдельной книгой «Енисейские тетради».

Ему предложили должность собственного корреспондента «Сельская новь» по Восточной Сибири, и эта работа принесла Зябреву большую пользу в плане сбора материалов для новых книг. «Пожар над сибирскими кедрами», «Путь героя», ««Бог ты мой!», «Строители», «В степи, под Абаканом», «Сам себе король», «Мальчишка с большим сердцем» – вот далеко не полный перечень изданных им книг в краевых и московских издательствах.

Членом Союза писателей СССР Анатолий Ефимович Зябрев стал еще в 1964 году, и тогда отбор кандидатур в творческий союз был очень строг. Достаточно сказать, что в советское время в Красноярском крае насчитывалось не более двух десятков авторов с членскими билетами (для сравнения – сегодня их только в двух отделениях Союзов-писателей России и российских писателей свыше 60 человек!).

По произведениями Зябрева даже снят художественный фильм «Вот моя деревня» и поставлен спектакль (в московском театре им. Е. Вахтангова) «Енисейские встречи».

И все же наибольшую читательскую любовь и популярность Анатолию Ефимовичу Зябреву принесли не они, а регулярно появляющиеся, в течение уже дюжины лет, публицистические заметки на злобу дня в старейшей краевой газете «Красноярский рабочий», которые так и называются «Заметки каждого дня».

Это остроумные, порой ехидные, а порой кажущиеся совсем бесхитростными, но все равно задевающими за живое, отклики писателя на текущие события, происходящие во многих сферах жизни края, а то и страны, мира. Зябрев в этих заметках иронизирует, недоумевает, задается вопросами по поводу животрепещущих тем и предлагает найти на них ответы как самим читателям, так и облеченным властными полномочиями чиновникам.

Я сам «живьем» видел Зябрева всего пару раз, мы никогда не общались, и о моем существовании он, возможно, и не подозревает (хотя допускаю, что какие-то мои публикации на глаза мэтру попадались). Тем не менее, Анатолий Ефимович со мной беседует чуть ли не еженедельно посредством этих вот своих «Заметок» – раскрывая очередной номер «Красноярского рабочего» в Интернете или на бумаге, я ищу в первую очередь именно их. Ну, задевает глубокоуважаемый автор мои душевные страны, созвучны его острые, глубокие мысли моим умонастроениям.

Очевидно, нечто подобно ощущают и многие другие читатели. И когда, по истечении определенного времени, возникла мысль (если не ошибаюсь, с подачи одного из читателей) издать накопившиеся «Заметки» отдельной книжкой, но денег на это, увы, не оказалось даже у всесильного когда-то «Красноярского рабочего», наиболее преданные читатели Зябрева взяли да и пустили шапку по кругу.

Конечно, их старания не могли покрыть всю требующуюся сумму, но что-то добавил и «Красноярский рабочий», и таким образом в 2011 году в издательстве «Красноярский писатель» вышел первый сборник «Заметок каждого дня», в 2013 году – второй, затем третий, четвертый и вот готовится к изданию уже пятая книга публицистических заметок писателя, ставших своеобразной летописью гигантского края.

О такой популярности, когда на читательские средства раз за разом издаются твои книги, можно только мечтать! И это дает Анатолию Ефимовичу Зябреву право, как, наверное, никому другому, называться народным писателем.

Что еще можно сказать о неугомонном Зябреве, самом настоящем патриархе сибирской литературы? Несмотря на преклонный возраст (ему уже за 90), он чувствует себя вполне сносно, живо интересуется всем происходящим вокруг и продолжает писать свои очень востребованные «Заметки каждого дня». Вот и вчерашний выпуск «Красноярского рабочего» не обошелся без отведенной для них полосы. А значит, не исключено издание и четвертой книги «Заметок».

Пожелаем же замечательному писателю, участнику Великой Отечественной войны и просто хорошему человеку, истинному гражданину своей страны покрепче здоровья, подольше жизни и свершения всех творческих замыслов. А они у него, несомненно, есть!

Маргарита Смородинская
Экзамен для учителя

Серый безликий костюм, старушечий пучок на голове, очки в толстой оправе и строгий взгляд – вот, пожалуй, и все что можно сказать об Анне Ивановне. Никаких отличительных черт, никакой изюминки, никакой хитринки в глазах и прочих финтифлюшек. Все предельно серьезно. Анна Ивановна – учительница русского языка и литературы.

Десять лет назад она была замужем. Ее муж Аркадий прожил с ней год и сбежал. Анна была холодна с ним даже в постели. В те дни, когда она дарила ему любовь (а было это по четвергам), Анна стелила накрахмаленное постельное белье. Когда Аркадий ложился в постель, она аккуратно снимала с себя белье (белье она носила практичное, хлопчатобумажное, дышащее), складывала его и убирала под подушку, а потом строгим голосом говорила: «Ну что ж, начнем». Аркадий чувствовал себя как на экзамене, волновался, потел и в итоге у него ничего не получалось. Промаявшись так год, Аркадий нашел себе любовницу, которая вскоре стала его женой.

Сегодня был обычный урок литературы. Анна Ивановна рассказывала про Есенина. Есенин был ее любимым поэтом, поэтому рассказывала она о нем с особой любовью. Она цитировала наизусть его стихи, которые знала почти все. В классе было тихо, но не потому что все внимательно слушали Анну Ивановну, просто ученики ее боялись. Она была бескомпромиссной и никогда не шла ни на какие уступки. Получить от нее пятерку было практически невозможно. Оценку «отлично» она могла поставить только если ученик безупречно знал материал, но таких в классе практически не было. Никаких похвал, никаких поощрений, только объективная оценка знаний. Слова «пересдать» и «переписать» отсутствовали в словаре Анны Ивановны, поэтому на ее уроки ученики шли с чувством, что они играют в русскую рулетку.

Анна Ивановна цитировала очередное стихотворение. И вдруг в тишине класса раздался вопрос:-

– Анна Ивановна, а правда, что Есенин был алкоголиком?

Тишина в классе стала еще пронзительнее. Все повернулись в сторону Коли Ерофеева. Где-то жужжала муха. Коля Ерофеев был новеньким учеником в классе, только неделю назад поступившим в эту школу. Анна Ивановна сначала даже не поверила в то, что кто-то посмел нарушить тишину ее урока, медленно перевела взгляд в сторону Коли.

– Да как… да как ты смеешь, – голос ее дрожал от негодования, – называть Есенина… таким неприличным словом?

– Я вчера в одном журнале как раз статью о нем прочитал. Там было написано, что Есенин очень любил гулять в кабаках и частенько напивался до беспамятства, – сказал ничуть не смутившийся Ерофеев.

Анна Ивановна покраснела и в ее голосе появились визгливые нотки:

– Ерофеев, а ну-ка сейчас же извинись перед Есениным!

– Как же я перед ним извинюсь? Ведь он же умер уже, – спокойно ответил Коля.

В классе послышались осторожные смешки.

Анна Ивановна замолчала, не зная, что сказать, подошла к столу, медленно опустилась на стул, открыла классный журнал, полистала страницы.

– Хорошо, Ерофеев, мы с тобой потом об этом поговорим.

Прозвенел звонок. Анна Ивановна встала, дала задание на дом и вышла из класса. Это был последний урок. Анна Ивановна занесла журнал в учительскую. Выходя из школы, она встретила своих учеников, которые целой толпой прошмыгнули мимо нее. Чуткий слух ее уловил слово «фригидная» и хихиканье.

Анна Ивановна шла домой, не замечая дороги. Открыв входную дверь, она бросила сумку на пол, туда же полетели черные туфли на низком устойчивом каблуке. Добравшись до дивана, Анна Ивановна упала на него и, зарывшись в подушку, разрыдалась.

Ближе к вечеру Анна Ивановна встала с дивана и начала рыться в комоде в поисках губной помады двадцатилетней давности, которой она красилась, когда еще была девочкой. На пол летели порножурналы, диски с «горячими» ведеосюжетами, плетки, наручники и прочие недвусмысленные аксессуары. Найдя помаду, Анна Ивановна улыбнулась. Подошла к зеркалу, распустила волосы, накрасила губы. Помада была ярко-красная, слишком вызывающая. Анна Ивановна долго и пристально смотрела на себя в зеркало. А что? Она была даже красивой, соблазнительной… Она достала один из дисков и включила его…

Проснувшись утром, Анна Ивановна долго оттирала в ванной размазанную по всему лицу губную помаду. Соорудив из спутавшихся волос пучок и нарядившись в серый безликий костюм, Анна Ивановна пошла в школу. Литература была первым уроком. И на этот раз Анна Ивановна хорошо подготовилась…

Наталья Колмогорова
Взгляд проводника

Мы с тобой успели
На маршрут осенний;
Лист к окну вагона
Солнечно приник,
А по рельсам звонким
Убегало время
И смеялся громко
Юный проводник.

Чай в бокале с мятой
На газете мятой,
Серая платформа,
Чистая постель;
Мы в вагоне пятом
Округляли даты —
От мгновений счастья
До больших потерь…

Бесконечность – в лицах…
Безмятежней спится,
Если к расстояньям
Как к судьбе, привык;
Спит соседка справа,
Спит сосед напротив
И под Окуджаву
Дремлет проводник.

Самый скорый встречный
Мыслям не перечит,
Разрывает темень
Радостный гудок,
И бросает осень
На промокший щебень
Отголосок света —
Золотой листок.

Нас не укачали
Старые печали,
Проводник весёлый
Прокричал «пока!»..
Снится будут долго
Станции России,
Светлая дорога,

Взгляд проводника…

Марат Валеев
Фельдшер Любаша

Кто знает, что такое ФАП? Для тех, кто уже забыл, что это такое, напомню – фельдшерско-акушерский пункт. ФАП в деревне, обычно расположенной за десятки километров от райцентра с ее относительно солидной больницей (в нашем случае – за 25), просто жизненно важное учреждение. А возглавляющий его человек со средним медицинским образованием – фельдшер, это в отдельных случаях настоящий бог.

Потому что именно он первым приходит заболевшему или пострадавшему человеку на помощь и бывает, что именно он, фельдшер, вытаскивает человека с того света и поддерживает его на плаву, пока на помощь не придут врачи с большими опытом, подготовленностью и оснащенностью.

В нашем Пятерыжском ФАПе работали разные специалисты, это Антонина Кадирова, жена брата моей одноклассницы Людмилы, и кто-то еще до нее. Но мне больше всего запомнилась Люба Копейкина. Любаша, как ее просто и задушевно называли земляки.

Она была практически моей ровесницей, ну, может, на год-другой старше. Учились мы в одной школе, наши классы были по соседству, на переменках мы бегали по одному и тому же полутемному гулкому коридору со скрипящими половицами, ухаживали за одними и теми же деревьями – тополями и кленами, высаженными нами в школьном палисаде. Но когда я пришел из армии (это было в 1972 году), Люба уже работала в ФАПе фельдшером.

С ней уже уважительно здоровались при встрече и стар и млад, а она в ответ лишь немного застенчиво улыбалась. В деревне у нас тогда жило человек 300 с лишним, и пожалуй, все они хоть раз да получили медицинскую помощь от Любаши. А уж пожилые бабушки-пенсионерки – те ходили в пропахший лекарствами бревенчатый ФАП как на работу. Давление измерить, обменяться с приветливой Любашей новостями, пожалиться на хулиганистого зятя…

Случилось и мне однажды экстренно бежать в ФАП, обмотав носовым платком окровавленную ладонь. Я привез из Железинки (нашего райцентра) взятый у приятеля «на выходные» самодельный пистолет, приспособленный под стрельбу мелкокалиберными пульками. И вот при перезаряжании этого, с позволения сказать, оружия, оно самопроизвольно выстрелило и пуля пробила мне ладонь между указательным и большим пальцами.

Я перебинтовал рану носовым платком, но кровь все не останавливалась. Поняв, что дело худо, я побежал через дорогу в ФАП. Благо, что Люба была на месте. Она размотала окровавленный платок, протерла рану спиртом, заткнула тампонами входное и выходное отверстия и, посмотрев на меня с подозрением, спросила, чем это я себя так поранил.

– Гвоздем… Нечаянно… – соврал я. Но на ладони хорошо был виден пороховой ожог.

– А ну колись! – сказала Люба. И я честно рассказал, как все было. И еще добавил, что на звук выстрела прибежала мама, подобрала уроненный мной пистолет и… утопила его в сортире.

– А вот это правильно! – улыбнулась Любаша, заканчивая перевязку. И отпустила меня домой с наказом снова обратиться к ней, если вдруг с рукой что будет плохо.

Как официальное медицинское лицо, она обязана была сообщать о таких ранениях в милицию. Но не сообщила. И не только потому, что мы были земляки. Но и потому, что просто поняла, что вот у этого ее пациента, уже отслужившего и даже ставшего корреспондентом районной газеты, в одном месте по-прежнему«дым играет»…

Кстати, я потом воспользовался своим служебным положением и написал о нашей заведующей ФАПом Любови Тимофеевны Копейкиной зарисовку. Не просто потому, что сам так

захотел – я позвонил в райздрав и попросил назвать мне лучших работников медицины, о ком можно было бы написать в газете к их профессиональному празднику. А в числе названных хороших медиков прозвучало и имя нашей Любаши. И конечно же, в один из ближайших выездов домой, в Пятерыжск, я поспешил встретиться с Любой и хорошенько ее расспросить о работе. Зарисовку (уж не помню, как я ее назвал – давно все же это было, еще в 70-е) тогда напечатали и наша районка «Ленинское знамя», и областная «Звезда Прииртышья».

Наверное, у нее есть какие-то награды за ее долголетнюю и добросовестную работу на медицинском поприще. Но самой большой наградой для нее, я думаю, были безмерное уважение и любовь к ней односельчан, о ком всегда болело ее милосердное сердце.

Мы помним тебя, Любаша. И по-прежнему любим.

Наталья Колмогорова
Стюард

Даль светла, и светел горизонт,
Неба хлябь у нас над головами;
Голубой причал – аэропорт —
Нас встречал бессонными очами…

Рёв турбин; и лайнер взял разбег;
Вжавшись в кресла, дышим часто, нервно;
Сквозь просвет полуприкрытых век
Нам открылось вдруг седьмое небо!

Бездна подо мной и под тобой,
Виден край небес в иллюминатор,
А вдали, чуть видимой грядой,
Серебрятся Альпы и Карпаты.

Мир над нами – стылый, ледяной,
А под нами ниточкой – дорога,
Кажется, вот-вот сейчас с тобой
Ангела увидим или Бога!

Мы летим, и молодой стюард
Жмурится от утреннего солнца,
Нашей встрече, кажется, он рад —
Так легко с улыбкой расстаётся!

– За бортом морозно, двадцать пять,
Можете воспользоваться пледом…
Он во сне всегда умел летать,
Он всегда был одержимым небом.

Молодой неопытный стюард —
Не от мира нашего, земного!
Кажется, ему принадлежат
Все ключи от неба, от седьмого.

Турбулентность… Нас встречает дождь…
Самолёт заходит на посадку;
И стюард, неловко пряча дрожь,
Снял с руки промокшую перчатку.

Ольга Данилова
Поэтесса (автобиографичный)

Ожил художник во мне и малюет картины,
Шьёт модельер, вновь дизайнер идею подкинул.
Фотомодель напевает и кружится в танце,
Бродит фотограф, пытаясь понять иностранцев.

Супчик на кухне политик готовит актрисе,
Экономист и ремонтник в квартире прописан.
Товаровед закупил причиндалы для дачи —
С ними аграрник-строитель меж грядками скачет.

Лечит целитель, гоняет на Ладе «Шумахер»,
Учит учитель и стильно стрижёт парикмахер.
А поэтесса других став на голову выше —
Всех потеснила – и пишет, и пишет, и пишет…

Марат Валеев
Пилот, самолёт и лёд

В бездорожной Эвенкии основной транспорт – авиация. И здесь время от времени случаются происшествия, пугающие своими последствиями. В их числе – страшная катастрофа в 1992 году пассажирского лайнера Як-40 под Ванаварой, унесшая около тридцати жизней; падение рядом с Турой самолета Ан-2 в 2006 году, также закончившееся гибелью экипажа и всех пассажиров.

Но история эвенкийской авиации также хранит немало случаев чудесного спасения крылатых машин и их пассажиров благодаря мастерству и самообладанию пилотов. Об одном таком инциденте, произошедшем почти двадцать три года назад, мой рассказ.

30 декабря 1992 года самолет Ан-2 Туринского авиапредприятия вылетел в Тутончаны, поселок в трехстах километрах от окружного центра. На его борту находились восемь человек – три члена экипажа и пять пассажирок, включая малолетнюю девочку.

Все шло нормально, пока на 115-м километре маршрута на высоте 1300 метров вдруг не «захлопал» двигатель. Такое с «аннушками», эксплуатируемыми много лет, случается, и потому пилот-инструктор Вячеслав Клеймаков, командир экипажа Александр Языков и второй пилот Андрей Чанчиков вначале особого беспокойства не проявили – ну, прочихается движок, а дальше все опять будет как по маслу.

Но двигатель чихал, чихал, да и заглох. Наступила жуткая тишина, нарушаемая лишь свистом ветра в переплетениях крыльев да дребезжанием и поскрипыванием дюралевого корпуса самолета.

Пассажирки начали испуганно переглядываться между собой. Управление молча несущейся над тайгой машиной тут же взял на себя пилот-инструктор Вячеслав Клеймаков – в такой ситуации по субординации и технике безопасности он становится старшим на борту.

Он и командир Андрей Чанчиков, сжимая штурвалы, всматривались вниз, в плавно надвигающуюся редкую в этих местах тайгу, выглядывая место, куда можно спланировать с наименьшим риском.

Конструктивная особенность биплана позволяет опытному экипажу достаточно долго держать машину в воздухе даже с заглохшим двигателем и совершить относительно мягкую посадку. Это если есть куда. А в этом случае кругом была лишь тайга да скалистые сопки.

Но вот Вячеслав Клеймаков увидел петляющую между гористых берегов речушку. Скорее, даже ручей. Это был приток реки Ямбукан. Вписаться в его извивы сложно, рискованно. Но выбора не оставалось – «аннушка» теряла высоту. Пилоты переглянулись.

– Садимся! – сказал Клеймаков. Теперь все зависело от мастерства, опыта и слаженного действия экипажа. Одно неверное движение штурвала – и самолет ударится о скалы или деревья и похоронит всех под своими обломками.

Ширина ледового покрова таежной речки едва вмещала в себе размах крыльев Ан-2. Пилоты выбрали наиболее прямой между извивами реки участок, что очень важно: при посадке самолета даже в режиме планирования скорость его не меньше 160 километров в час, а значит, пробег по льду будет не менее сотни метров. Вячеслав Клеймаков рассчитал все точно, и безмолвный самолет совершил вынужденную посадку предельно точно. Правда, одним крылом«Аннушка» все же зацепила промерзшую на пятидесятиградусном морозе лиственницу и она переломилась как спичка, а одна лыжа шасси выехала на камни.

Самолет замер, уткнувшись в каменистый берег. И только здесь женщины, все эти несколько минут напряженного безмолвного кружения над тайгой напугано молчавшие, дали волю свои чувствам. Выйдя из самолета наружу, они и плакали, и кричали, и смеялись.

Не виноватые, но чувствующие себя таковыми, пилоты быстро развели костер. А через полтора часа после вынужденной посадки из Туры за ними прилетел вертолет. 31 декабря все участники этого инцидента – и пилоты, и пассажиры, подняли у себя дома новогодние тосты. Нетрудно догадаться, чему они были посвящены.

Остается добавить, что на счету Вячеслава Клеймакова это была уже не первая вынужденная посадка. В 1987 году при выполнении рейса Муторай-Тура ведомый им самолет Ан-2 попал во встречный поток очень сильного, до ста километров в час, ветра. В результате случился перерасход топлива, оно кончилось, когда до Туры оставалось всего 8 километров. И тогда Клеймаков вот так же благополучно посадил свой безмолвный самолет на лед Нижней Тунгуски.

Сегодня этот славный пилот на пенсии и живет в Красноярске.

Наталия Сычкова
Кому нужен библиотекарь?

В наш электронный век зародилось сомнение, а нужны ли нам сейчас библиотеки? Какой должна быть библиотека, чтобы она была интересна современному обществу? Ответов может быть множество. Но какой библиотека точно не должна быть, так это скучной, серой и унылой. Зайдя в библиотеку, человек сразу должен ощутить позитивный настрой. Этому способствует оформление внутреннего пространства и приветливый, готовый к общению библиотекарь. Как это ни странно, но в наше время у многих людей существует дефицит общения. Особенно это относится к людям пожилого возраста, домохозяйкам, круг общения которых очень узок. В библиотеку они приходят не только за книгами и журналами, им нужен неравнодушный, готовый выслушать собеседник. Библиотекарь должен уделить внимание каждому. Сейчас многим библиотека нужна именно как центр общения. Таких людей нужно активно привлекать в клубы по интересам, у них много свободного времени и нерастраченной энергии. Они с удовольствием рассказывают о своих увлечениях, делятся полезной информацией, готовы узнавать что- то новое. Да и просто посидеть за чашкой чая и душевной беседой очень приятно.

Особое внимание нужно уделять детям, ведь привить любовь к чтению можно только в детском возрасте. Первое, что ребенок должен понять, это то, что библиотека и книга это не скучно, а наоборот, интересно, увлекательно, познавательно. Конечно, нужно использовать в работе возможности современных технологий: интерактивные игры, мультимедийные презентации, видеоролики и так далее. Это делает работу библиотеки наглядней, живей, интересней. Но главной героиней по – прежнему, остается Книга. Великое изобретение человечества, слегка подзабытое в наше время, потесненное компьютерами, телефонами, смартфонами… Поднять престиж книги – вот главная задача библиотекаря в современном обществе. Когда-то Россия была самой читающей страной, но Интернет, который нам, конечно, тоже помогает в работе, в тоже время стал главным соперником книги. Мы – библиотекари, должны открыть детям удивительный мир книг, показать, что чтение – это очень интересное занятие. Где еще, кроме библиотеки дети смогут узнать, что на свете существует множество замечательных детских книг? Большинство современных родителей, как это ни печально, сами книг не читают и детям любовь к чтению привить не могут. Нестандартные выставки с яркими, красочными книгами, конечно, привлекают внимание ребят. Книгу захочется потрогать, открыть, а там красивые картинки, как тут не заинтересоваться. Этот интерес обязательно нужно поддержать, подтолкнуть ребенка к чтению. Возможно, это первые шаги будущего книголюба. Нужно учитывать, что главной в детском мире была и остается игра, именно через игру мы и должны продвигать книгу. Дети не любят скучных бесед, а в форме игры они незаметно вовлекаются в мир чтения, соединяя понятия «игра, книга, чтение, интересно». Различные библиоигрушки очень нравятся детям, что- то собирать, отгадывать их любимые занятия. Чем больше творческих задумок у библиотекаря, тем интересней детям в библиотеке, и тем охотнее они к нам идут. Именно такая библиотека нужна сегодня – играющая, творческая, яркая.

Сегодня детские библиотеки выполняют различные функции. Они и центры общения детей и подростков и центры проведения полезного досуга. Именно здесь создаются условия для творческой самореализации ребенка. Мы стараемся выявлять и развивать таланты детей. Детям нравится делать различные поделки, это развивает фантазию и прививает полезные навыки. Ведь умение что – то делать своими руками всегда пригодится.

Так нужен ли библиотекарь в наши дни? Надеюсь, что да. А читатели, которые с удовольствием идут в нашу библиотеку, тому подтверждение.

Алёна Грибалёва
Писатель

Когда профессия писатель —
Можно целый мир создать.
.Можно, будто яркой краской —
Его словаки рисовать.

Мир у книг бывает разный —
Яркий, грустный и смешной.
Автор так его опишет,
Что он станет как живой.

Будет в нём любовь и дружба.
Будут слёзы от разлук —
Но всегда в конце сюжета,
Хорошо всё станет вдруг —

И в мире что придумал автор
Герои дружно за живут.
А писатели по всюду,
Своих читателей найдут.

Марат Валеев
Любимая учительница

В моей жизни немало было учителей и преподавателей, но больше всех запомнилась именно она, Елизавета Михайловна Маковенко. Во-первых, она была необыкновенно умной. Потом, справедливой. И наконец, красивой и элегантной, хотя была всего лишь учительницей в маленькой сельской школе. Днем учительница, а вечером – такая же сельская жительница, как все женщины нашего Пятерыжска.

Ей и корову надо было подоить, и яйца собрать в курятнике, и дома прибраться, и проследить за тем, чтобы двое ее детей, дочь Валя (красавица, вся в маму) и сын Сашка (Сашка, не ревнуй – ты тоже симпатичный малый, хоть и в папу) были всегда чистенько и опрятно одеты, чтобы уроки выучили вовремя, потому что ответственность на них была двойная – они же дети учительницы, а затем и директрисы, ставшей ею после отъезда прежнего директора, Николая Даниловича Грицая, на работу в райцентр.

Они по определению не могли плохо учиться! И Валя была отличницей, а Сашка – хорошистом. Маковенко были нашими соседями, наши родители общались, а мы, их дети, дружили. Может, поэтому я тоже стал хорошистом. И особенно полюбил русский язык и литературу, которые у нас вела она, Елизавета Михайловна.

У меня получались хорошие сочинения, и случалось, Елизавета Михайловна даже зачитывала их вслух перед классом, а я в это время был весь красный и от неловкости, и от удовольствия. А она говорила мне: «Пиши, Марат, пиши, может, что и получится у тебя». Я не понимал тогда, что она имела в виду, но соглашался: «Хорошо, буду!»

Знаю, что Елизавету Михайловну любил не один я – весь класс смотрел ей в рот, когда она, всегда выглядевшая нарядной, красивым, мелодичным голосом вела свои уроки, которые легко запоминались и усваивались. Конечно, Елизавета Михайловна могла быть и строгой – а как же без этого в классе, где всего пять послушных девчонок и одиннадцать непоседливых пацанов? Но если ругала, то только за дело, только за провинность, а не потому, например, что у нее с утра дурное настроение (хотя я такого не припомню).

Семья Маковенко уехала в Павлодар где-то в 66- или 67-м году, точно не помню. И я не видел их несколько лет. За это время поучился в Иртышской средней школе 3, поработал на заводе ЖБИ на Урале, отслужил в армии, вернулся обратно в свое село, устроился в полеводческую бригаду сварщиком и время от времени продолжал писать и даже отсылать свои рассказы в районную газету. А меня однажды взяли и напечатали! А потом еще раз, еще и еще. А потом вообще забрали работать в газету. И вот тогда я вспомнил слова Елизаветы Михайловны: «Пиши, может, что и получится…»

И в семидесятые годы я все же еще раз увидел свою любимую учительницу. По делам газеты был в Павлодаре, заранее запасся адресом Маковенко (уж не помню, кто мне его дал). Дома я их застал всех, кроме Сашки (он в это время жил в Новосибирске, что ли) – и дядю Толю, и Валю с ее мужем, и конечно, Елизавету Михайловну.

Она, к тому времени уже несколько располневшая, но не утратившая своей стати и привлекательности, близоруко, с прищуром всматривалась в меня, и потом совсем по-бабьи всплеснула руками:

– Марат! Мой хороший, ты откуда?

Но это она сказала так, для проформы. На самом деле Елизавета Михайловна знала про меня если не все, то многое, видела мои публикации в областной газете «Звезда Прииртышья» и была очень довольна мной, своим учеником. И когда мы, после небольшого застолья, уда-

рились в воспоминания, Елизавета Михайловна вдруг опять всплеснула руками, встала из-за стола и ушла в одну из комнат.

Вернулась она с обыкновенной школьной тетрадкой. Показала мне ее обложку и, улыбаясь, спросила: – Узнаешь? Я впился глазами в «паспорт» тетрадки и узнал свой ломкий, неровный почерк, которым я подписал свою тетрадку по русскому языку, если не ошибаюсь, за пятый класс!

Но это было еще не все. Елизавета Михайловна пролистала тетрадку и развернула ее ко мне выбранным местом. И я снова узнал и свой почерк, и свое сочинение «Как я провел лето», снабженное еще и моим же рисунком цветными карандашами. Этот мой «опус» был признан тогда лучшим по школе и вроде бы даже был представлен на районную олимпиаду.

– Как, вы его сохранили? – удивился я.

– Конечно, – просто сказала Елизавета Михайловна. – И не раз перечитывала. Хочешь, еще раз почитаю?

И Елизавета Михайловна при всех домочадцах, опять к необыкновенному моему удовольствию, зачитала мое сочинение о том, как я провел незабываемое лето 63-го или 64-го на зеленых лугах, на голубых озерах и на берегу Иртыша. Оно было наивным, то мое сочинение. Но от его простых слов, каких-то запоминающихся деталей, ряда точных и красочных оборотов веяло такой свежестью, перед глазами вставала такая яркая летняя картинка из моего детства, что мне захотелось попросить у Елизаветы Михайловны отдать мне эту мою тетрадку. Насовсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.